

— Как это может быть? — Сяо Жофэй повысил голос. — Это не театр, не сцена. Это глубокая осень в Байшуе, сосульки свисают с крыш. Ты можешь замерзнуть!

— Но... — Гу Чуньлай задумался на мгновение, прикрыв рот рукой, и тихо сказал:

— Ты же не можешь заставить Чэнцзы заботиться о двоих. Это слишком большая нагрузка. Как мы будем платить ему? Мне кажется, Чэнцзы — хороший парень, и если работа станет слишком тяжелой, а зарплата — маленькой, он может уйти.

Сяо Жофэй задумался, затем взял телефон, набрал номер и, дождавшись ответа, сказал:

— Личный помощник генерального директора Чжан Ичэн, с этого месяца его зарплата удваивается.

— Вот это да... — Гу Чуньлай сделал вид, что поражён, и прикрыл рот рукой. — А у вас, больших боссов, ещё есть вакансии для помощников? Я могу подавать чай, убирать и иногда готовить лапшу с помидорами и яйцом.

Сяо Жофэй подумал, что, видимо, у Чжан Ичэна дома есть золотая жила, и эта зарплата для него — мелочь. Лучше не говорить ему об этом. Он сдержал смех и ответил Гу Чуньлаю:

— Извини, сейчас вакансий нет. Раньше больше всего не хватало главного героя, но теперь он у нас есть. Работай хорошо, и получишь большой бонус.

— Спасибо за добрые слова, буду ждать.

Гу Чуньлай рассмеялся так, что чуть не опрокинулся назад. Сяо Жофэй тут же подхватил его за талию и потянул к себе. Сейчас у него была только одна рабочая рука, и он не смог рассчитать силу. В результате Гу Чуньлай соскользнул с массажного стола и оказался на нём.

Оба моментально отвели взгляд.

Слишком близко. За все годы учёбы они обнимались, ели, спали вместе, даже целовались, но никогда не были так близки, что могли чувствовать пульс друг друга.

Гу Чуньлай был без рубашки, только в пижамных штанах, которые едва держались на бёдрах. Он сидел на коленях Сяо Жофэя, руки на плечах, а его лобковый бугорок упирался в молнию на брюках Сяо. Шрам на его талии двигался в такт дыханию, ощущаясь в ладони Сяо Жофэя. Тот чувствовал, что держит в руках горячий картофель: хотел отпустить, но не мог. Ведь только что испечённый картофель так ароматен и сладок.

Вокруг было тихо, даже на съёмочной площадке. Не было реплик, не было шума камер, только сердцебиение. Гу Чуньлай заметил, что на экране жидкокристаллических часов есть битый пиксель, рамка на туалетном столике немного кривая, а на стенке стакана с лимонной водой остались отпечатки пальцев. Звёзды на потолке трейлера складывались в узоры. Обогрев в машине почему-то перестал работать, стало холодно, и по его коже побежали мурашки. Выдыхаемый углекислый газ смешивался с дыханием Сяо Жофэя, плывя через холодный воздух, через пятна света, падающие через жалюзи, и оседал на кровати, где Гу Чуньлай отдыхал каждый день.

Первым отпустил руку Сяо Жофэй. Он повернул голову, помог Гу Чуньлаю подняться и указал на массажный стол, чтобы тот сел. Услышав лёгкий шорох, он убедился, что ноги Гу Чуньлая переместились на кровать, и только тогда повернулся к нему. Гу Чуньлай уже принял позу,

лёжа на животе, лицом вниз, так что его выражение было не видно.

Сяо Жофэй накрыл его одеялом, включил фен и начал разогревать затвердевший консилер.

Когда консилер размягчился, Сяо Жофэй смешал нужный оттенок на крышке коробки и уже собирался нанести его на кожу Гу Чуньлая, как вдруг дверь резко открылась, и Чжан Ичэн громко спросил:

— Босс, помощник режиссёра спрашивает, сколько времени нужно на подготовку? Скоро репетиция, нужно найти кадры!

Сяо Жофэй покраснел, словно его застали за чем-то неприличным, и даже не смог выгнать Чжан Ичэна. Тот, увидев его выражение и покрасневшие уши Гу Чуньлая, понял, что, возможно, появился не вовремя, и тихо закрыл дверь.

Гу Чуньлай молчал, и Сяо Жофэй тоже. Он вернулся к работе, набрал немного консилера и уже собирался нанести его на кожу Гу Чуньлая, как дверь снова открылась.

На этот раз это был гримёр.

— Господин Сяо, вы закончили? — Он взглянул на спину Гу Чуньлая и покачал головой. — Ну и скорость! Как будто старая кляча тащит мельницу, хоть погоняй — не сдвинется. Вы что, до завтра собираетесь гримировать? Да и цвет слишком розовый, Гу Чуньлай, кажется, разгорячился, кожа стала розовой, а он обычно желтовато-белый. Этот цвет только подчеркнёт. Может, вы уступите место? Я справлюсь за полчаса, а потом вы сможете продолжить беседу.

Сяо Жофэй замер на несколько секунд, прежде чем смог собраться с мыслями:

— Учитель Хуа, не волнуйтесь, я быстро... Ой, нет, мужчины не должны говорить, что они быстро... Я... я смешаю другой оттенок, и всё будет готово.

Гримёр взглянул на двоих в трейлере, вздохнул и вышел.

Сяо Жофэй быстро смешал новый оттенок, подходящий к коже Гу Чуньлая. Он уже собирался нанести его, как дверь снова открылась.

На этот раз снова Чжан Ичэн.

— Э-э... Я... Я пришёл сказать... Пришёл важный гость.

Человек, способный заставить такого опытного человека, как Чжан Ичэн, заикаться, должен быть очень влиятельным. Сяо Жофэй даже не сомневался, кто это.

Их новый спонсор.

— Чэнцзы, позови учителя Хуа, включи обогрев и жди, пока Гу Чуньлай закончит грим. — Сяо Жофэй вытер руки, поправил галстук. — Я пойду на встречу.

Выйдя из трейлера, он направился к декорациям дома Ду Цзянсюэ. Сегодня все сцены снимались там.

Ещё не дойдя, он увидел, что вокруг декораций собралась толпа, вспышки камер мелькали, и посередине стоял высокий мужчина в двубортном пальто. Его лицо было мужественным, тело

подтянутым, без лишнего веса. Хотя на лице были следы возраста, трудно было сказать, сколько ему лет. Рядом с ним стоял другой мужчина, моложе, невысокий, с детским лицом. Если бы не морщинки в уголках глаз, можно было бы подумать, что ему чуть больше двадцати.

Сяо Жофэй подошёл, раздвинул толпу и, оказавшись в центре, произнёс:

— Господин Тянь.

Высокий мужчина обернулся, протянул правую руку и слегка улыбнулся.

— Извините, другая рука, — Сяо Жофэй показал свою раненую руку и протянул левую. — Господин Тянь, здесь слишком много людей, давайте пройдем в конференц-зал.

— Обсудить, как разобраться с тем, что ты натворил? — с улыбкой произнёс тот, кого называли «господин Тянь».

Тянь Ичуань, абсолютный лидер компании «Цзямин», гигант киноиндустрии. Преувеличивая, можно сказать, что деньги, заработанные его фильмами за эти годы, если перевести их в однодолларовые купюры, смогли бы покрыть несколько Земель. Но этот человек не гнался за деньгами и не увлекался женщинами. Сяо Жофэй видел, что за десятилетия в индустрии он действительно руководствовался любовью к киноискусству.

Это было около шести лет назад. После двух лет неудачной карьеры режиссёра Сяо Жофэй решил стать продюсером. Тогда он только получил новую должность и был ещё зелёным новичком, едва ступившим в эту сферу. Если бы не протекция Сяо Цаньсин, он бы даже не получил пропуск в киноассоциацию. Но, будучи молодым и самоуверенным, на первой же встрече ассоциации Сяо Жофэй выдвинул ряд нереалистичных предложений. Сейчас, вспоминая это, он готов был провалиться сквозь землю.

После встречи некоторые открыто насмехались над ним, другие намекали, что он нереалистичен. Он злился, но не мог ничего сделать, только в душе издевался над этими старыми консерваторами.

Но когда он уже почти потерял надежду, Тянь Ичуань лично сказал ему, чтобы он подготовил подробный план, который будет обсуждаться на следующей встрече.

Сяо Жофэй так и сделал. Он совмещал работу в компании с написанием проекта, спал меньше 30 часов за неделю и перед следующей встречей передал Тянь Ичуаню пять планов.

Так родился «Свет и Тень», мероприятие, основанное на выборе и голосовании кинематографистов, а не на популярности и трафике. Сяо Жофэй и Тянь Ичуань стояли в первом ряду как инициаторы. Какой бы ни была их история, новичок в индустрии, получивший поддержку множества уважаемых, даже несколько самолюбивых кинематографистов, без покровительства старших коллег, был бы невозможен.

<http://bllate.org/book/15563/1415671>